

ПОРТРЕТ НА БАНКНОТЕ

В 2009 году в Таллинском кафе, получая сдачу, спросил у молодой официантки: «Вы знаете, чей портрет изображен на банкноте?»

«Конечно, — ответила девушка. — Это Пауль Керес».

Выдающемуся эстонскому шахматисту так и не удалось стать чемпионом мира. Что помешало этому? Недостаточная твердость характера? Нервы? Или что-то еще?

Борис Спасский, вспоминая о борьбе за звание чемпиона мира, говорил: «Из собственного опыта знаю, что, взбираясь на вершину, надо помнить только о главной цели и забыть обо всем другом».

Как мог Пауль Керес забыть обо всем другом?

Во время Второй мировой войны, играя в турнирах оккупированной немцами Европы, Керес не раз встречался с Алехиным. «Вы думаете, большевики расправятся со мной, если я попаду к ним в руки?» — поинтересовался он как-то у чемпиона мира. «Можете не сомневаться, — отвечал Алехин, — что они укоротят вас на голову...»

Летом 1944 года Керес играл в Финляндии. Оттуда по приглашению будущего президента ФИДЕ Рогарда он приехал в Швецию, где принял участие в довольно слабом турнире мастеров. Кандидат на мировое первенство проиграл три партии. Неудивительно: в нейтральной Швеции Керес постоянно думал об уходе на Запад — до шахмат ли здесь? Вопрос — что предпринять? — не дает ему покоя, и, наконец, он принимает решение. Керес возвращается в Эстонию с тем, чтобы забрать жену, двух маленьких детей и попытаться уехать в Швецию.

Несмотря на то, что наступление советской армии было стремительным, Эстонию покинуло тогда около шестидесяти тысяч человек. «Я не хотела эмигрировать, — вспоминает вдова Кереса Мария Августовна. — У меня в Эстонии родные, я всю жизнь прожила здесь, но Пауль так решил, и мы отправились в путь...»

Они ожидали судно на побережье в районе Хаапсалу, но катер из Швеции так и не пришел. Вместе с Кересом там были писатель Фридеберг Туглас, певец Тийт Куузик, члены правительства довоенной Эстонии. Министров арестовали, выслали в Сибирь, но и судьба Кереса висела на тоненьком волоске: его неоднократно вызывали на улицу Пагари, где находилось тогда в Таллине здание НКВД.

Свидетельствует Юрий Авербах: «Полковник НКВД Борис Вайнштейн, бывший в то время главой Всесоюзной секции, прибыл в Таллин по служебным делам на другой день после вступления войск и беседовал с начальником эстонского НКВД. В конце беседы тот спросил, не мог бы Вайнштейн решить вопрос об участии Кереса в чемпионате СССР. И добавил, что шахматы для Пауля единственный источник существования. Он предложил Вайнштейну встретиться с Кересом, но тот отказался, объяснив, что взять на себя решение такого вопроса он все равно не может. Есть общая установка: тех, кто во время войны находился на оккупированных территориях, в первый послевоенный чемпионат не пускать. А с Кересом ситуация еще сложнее. “Сам я отношусь к нему с большой симпатией, — добавил Вайнштейн, — и как к шахматисту, и как к человеку, хотя лично с ним и не знаком. Но если по закону, то ему за сотрудничество с немцами надо 25 лет давать, и вы это знаете не хуже меня. Он же в их турнирах играл, с Алехиным якшался...”»

Письмо, написанное Кересом в федерацию шахмат СССР, — отчаянная попытка представить события сентября 1944 года в ином свете: «Немцы предпринимали попытки убедить меня в необходимости скорейшей эвакуации в Германию. Для этого мне приходилось часто переезжать с места на место со своей семьей, моей женой и двумя маленькими детьми, — во-первых, чтобы избежать назойливых эвакуационных предложений, и, во-вторых, создать видимость, что я готовлюсь к отъезду из страны. В конце концов, мне удалось без особых проблем и в тихой местности избежать враждебного отношения».

На это письмо Керес так и не получил ответа. Его лишили звания «гроссмейстер СССР», отлучили от шахмат, будущее рисовалось в очень мрачном свете, но Кереса взял под личную опеку первый секретарь ЦК Эстонии Николай Каротамм. Мария Керес полагает, что защита именно этого человека спасла мужа от репрессий. Видимо, Каротамм и подсказал Кересу написать письмо в Москву в самые высшие инстанции. Реакция Молотова была положительной и Керес получил разрешение вернуться в шахматы.

Конечно, по сравнению с судьбой многих тысяч эстонцев, погибших или сосланных в Сибирь, всякого рода интимидации, заполнение бесконечных анкет, слезка, трудности с выездом за границу были мелкими уколами, но жизнь Кереса, вернувшегося в шахматы, тоже не была безоблачной: КГБ не выпускал его из сферы внимания до конца жизни.

В 1958 году «проводилась работа по Кересу в плане склонения его к сотрудничеству с нашими органами, — пишет в сохранившейся в архивах справке сотрудник КГБ Эстонии. — В процессе этой беседы выяснилось, что Керес не имеет желания активно сотрудничать с органами КГБ».

Не только Керес, но и его жена находилась под постоянным наблюдением. Справка от 1965 года, извлеченная из архивов КГБ: «Доверенное лицо NN сообщило, что Мария Керес является культурной, образованной женщиной. По характеру — решительная, разговорчивая, любознательная. Чувствуется, что она высокого мнения о себе. Семья живет очень зажиточно. Является владельцем американского лимузина. Ничего отрицательного в поведении Марии Керес в быту не наблюдается».

Еще одно донесение, датированное 1966 годом: «Товарищ Керес Мария Августовна обладает твердым и принципиальным характером и с неутомимой энергией занимается пополнением идеологических и профессиональных знаний. Она политически грамотна, советский человек высокой морали и с широким кругозором».

В 1967 году на всемирную выставку ЭКСПО в Монреале отправилась большая делегация от Советского Союза. В группе, представлявшей Эстонскую ССР, был и Керес. Было решено расселить эстонцев по домам земляков, давно живущих в Канаде. Керес поселился в доме... у своей свояченицы. Считалось, что у Марии Керес была только одна сестра, жившая в Таллине. Но в семье Рийвес было три дочери. Самая младшая в 1944 году покинула Эстонию, вышла замуж и очутилась в конце концов в Канаде. В многостраничных анкетах, которые должен был заполнять каждый выезжающий за рубеж советский человек, на один из самых грозных вопросов — имеются ли родственники за границей? — Керес отвечал отрицательно, а всезнающий КГБ так никогда не обнаружил канадского следа. Очевидно, что Керес, выезжая за пределы Советского Союза, имел контакт со своей родственницей, и она знала о приезде Пауля в Канаду. О чем они говорили? Что вспоминали?

В 1969 году Керес, находясь в Праге, встретился с Людеком Пахманом, ставшим к тому времени заклятым врагом Советского Союза. Это стало известно КГБ. По прибытии в Москву эстонского гроссмейстера прямо с трапа самолета увезли на Лубянку и подвергли многочасовому допросу, а потом у него снова появились проблемы с выездом на заграничные турниры.

Наверное, в Праге Керес «потерял бдительность». Времена в Советском Союзе были уже не такими зловещими, как в конце сороковых-начале пятидесятых. Тогда Керес был всегда начеку и сторонился тех, кого не знал хорошо.

Когда на прощальном банкете амстердамской Олимпиады 1954 года английский шахматист и журналист Барден спросил его, почему он так плохо играл с Ботвинником в 1948 году, Керес невозмутимо ответил: «Каждый может проиграть Ботвиннику — он очень сильный игрок», — давая понять, что дискутировать на эту тему не намерен. Действительно: что могли понимать эти наивные западники в правилах и нравах страны, гражданином которой он оказался после Второй мировой войны?

Но когда на той же амстердамской Олимпиаде Котов, после того как Керес буквально разгромил Шайтара, объявил, что «это была настоящая советская партия», Керес заметил корреспонденту английского «Таймс» Голомбеку: «Это была настоящая эстонская партия!» Керес всегда знал, кому и что можно сказать. С Голомбеком они были знакомы еще с довоенных времен, и англичанин рассказал об этом только в 1977 году, когда Кереса уже не было в живых.

Он не любил конфликтов, кланов, разборок и ему приходилось постоянно лавировать в полном интриг мире советских шахмат. Отправляясь в Москву, Керес всегда брал с собой блокнот, где каллиграфическим почерком было записано, кто с кем не разговаривает, кто с кем не здоровается.

Казалось, ничто не может вывести его из себя. Однажды он должен был вылететь в Австралию с сеансами одновременной игры. Все документы были уже оформлены, визы получены, билеты куплены, маршрут согласован. Керес прибыл из Таллина в Москву. В последний момент в советском посольстве в Канберре решили, что приезд Кереса вызовет ненужный ажиотаж в среде эстонских эмигрантов, и поездку отменили. Когда работавший во Всесоюзной федерации Михаил Бейлин, стараясь не смотреть Кересу в глаза, сообщил ему, что

«Австралия отменяется», тот только улыбнулся: «Что ж, в жизни может случиться всякое...»

Несмотря на всегдашнюю корректность и сдержанность, он был не прочь и пошутить, и повеселиться. Любил играть блиц, когда и «позванивал», наслушавшись много от своего тренера Толуша, да и от других гроссмейстеров. В узкой компании мог продекламировать частушки, порой и двусмысленные.

Но сквозь приветливость и улыбку в нем постоянно проглядывало что-то грустное, даже трагическое. Это слово — «трагическое» — не сговариваясь, произносили все, кто играл с Паулем Кересом в турнирах на Западе и с кем я говорил о нем.

Карел ван хет Реве — молодой тогда голландский славист — был в 1948 году в Москве и регулярно встречался с эстонским гроссмейстером. Он стоял рядом с Кересом на праздновании 1 мая на кремлевской трибуне, куда были приглашены участники матч-турнира.

Парад. Когда по брусчатке Красной площади пошли с грохотом танки Т-34, ван хет Реве случайно взглянул на Кереса и не мог отвести взора. Вспоминая об этом много лет спустя, известный голландский писатель затруднялся передать всю гамму чувств, которая была написана на лице эстонского гроссмейстера. И только вернувшись в гостиницу, Керес смыл с себя все эмоции: «Ну а теперь — бридж. Бридж!» — потирая руки, воскликнул он.

Когда в 1974 году Корчному предстоял финальный матч претендентов с Карповым, Спорткомитет и руководство шахматной федерации страны были полностью на стороне его соперника, и для советских гроссмейстеров это не являлось секретом. Корчному предложили свои услуги только Бронштейн и Керес. Дебютными идеями Бронштейна Корчной воспользовался, а вот предложение Кереса отверг.

Виктор Корчной впервые встретился с Кересом в XX чемпионате Советского Союза в 1952 году. Молодому мастеру удалось продержаться тогда чуть дольше двадцати ходов, и с тех пор счет в пользу Кереса только увеличивался.

«Я сделал с ним только несколько ничьих, проиграв четыре партии, и у меня было чувство, что если бы я согласился на его помощь, за доской боролся бы уже он, а не я. Шахматный авторитет Кереса слишком давил на меня», — объяснял свое решение Корчной много лет спустя.

Керес играл почти со всеми чемпионами прошлого века, но близкие отношения были у него только с Эйве. После того как на турнире

в Цюрихе в 1934 году голландец пожертвовал Алехину коня, чемпион мира снял пиджак. «Если бы ты пожертвовал ферзя, он, вероятно, снял бы и штаны», — заметил Керес. Ему ли было не знать, как болезненно относится к поражениям русский чемпион.

Когда на турнире в Маргете Керес в партии с Алехиным занес руку, чтобы, пожертвовав ферзя, объявить мат следующим ходом, тот поднялся из-за столика, и не проронив ни слова, покинул турнирный зал. Правда, через двадцать минут Алехин вернулся, чтобы проанализировать партию.

С Алехиным Керес не раз играл во время войны и видел в самых разных ситуациях, в том числе и мирно спящим на скамейке мадридского сквера. Керес относился к Алехину с некоторой иронией, называя в кругу близких «Алёшкой».

У него было мягкое, своеобразное чувство юмора. После чемпионата Европы в Капфенберге в 1970 году советские гроссмейстеры остались на несколько дней с сеансами одновременной игры. Когда Михаил Бейлин отрядил в совместную поездку Таля и Холмова, Керес заметил: «Вы, наверное, очень смелый человек, Михаил Абрамович...» И действительно — к поезду в Москву «нарушившие спортивный режим» гроссмейстеры не прибыли...

На открытии Кубка Пятигорских в 1963 году в Санта Монике было объявлено, что победитель в дополнение к призу получает еще и машину. Керес разделил победу в турнире с Петросяном, и ключи от машин были вручены обоим. Несколько месяцев спустя Петросян приехал в Таллин. Керес встречал его на вокзале. «Все-таки отличные автомобили получили мы в Америке», — заметил Петросян, усаживаясь рядом на переднее сиденье. «Замечательные, — согласился эстонский гроссмейстер, — правда, если бы я не поспешил с ходом h5 в нашей партии, машина досталась бы только мне...»

Керес был первым гроссмейстером, руку которого пожал Петросян. Весной 1946 года на турнире в Тбилиси в девятнадцати партиях Керес «отпустил» соперникам всего две ничьи: одну из них сделал шестнадцатилетний кандидат в мастера. Очевидцы вспоминают, что когда экс-чемпиону мира сообщили о смерти Кереса, не склонный к сентиментам Тигран Вартанович заплакал...

«Он был дружелюбным человеком, но это было дружелюбием на дистанции, доброжелательностью аристократа. В нем всегда было чувство достоинства, которое не могли не заметить окружающие»,

– говорил Вольфганг Унцикер, а Светозар Глигорич писал, что «Керес был единственным гроссмейстером, который никогда ни на что не жаловался». Примечательно, что на «ты» он был только с очень немногими: Штальбергом, Смысловым, Эйве.

До войны Керес очень часто бывал в Голландии, и его любили в этой стране. Через две недели после матча с Кересом в 1939 году Макс Эйве принял участие в коротеньком – всего четыре участника – турнирчике в Бевервийке и выиграл все партии. Призов в турнире не было, но все ожидали, что победитель получит выставленные на всеобщее обозрение замечательные шахматы, сделанные на заказ известным стеклодувом. Неожиданно на закрытие турнира прибыл Пауль Керес, оставшийся после матча в Голландии с сеансами одновременной игры, и комплект шахмат был вручен молодому эстонцу.

Эйве не подал виду, но несколько дней спустя отправил директору турнира письмо, в котором говорилось, что «мне не хотелось бы останавливаться на том, кто больше сделал для шахматной жизни в Голландии – я или Керес, получивший за победу в нашем матче 1400 гульденов, в то время как я не получил ничего. Было бы неправильно сделать вывод, что Керес не заслуживает этого подарка. Наоборот, Керес – превосходный парень, на редкость корректный, и я нахожу его самым симпатичным из всех известных мне шахматистов, причем с большим отрывом от следующего. Если бы я рассказал ему о предыстории этих шахмат, он, без сомнения, отказался бы от подарка. Но у меня и в мыслях нет делать это».

Директор турнира был огорчен; надо было искать выход из создавшейся неловкой ситуации. Через несколько месяцев Эйве был приглашен на сеанс одновременной игры в Бевервейк, после которого получил точно такие же шахматы. Оба комплекта сохранились: один находится сейчас в центре Макса Эйве, другой – в доме Марии Августовны Керес, а замечательные шахматисты стали названиями: площади в Амстердаме и улицы в Таллине.

Во время чемпионата Советского Союза в 1940 году в Москве Керес почти не говорил по-русски. Он общался через переводчика и комментировал для зрителей партии на немецком, его самом сильном иностранном языке. После войны Керес выучил русский, но ему пришлось учиться не только языку. Окунувшись в атмосферу двоемыслия, подозрительности и недоверия, он научился чувствовать многое. То, что родившиеся в Советском Союзе понимали без каких-либо объяснений, а люди Запада не могли понять, как бы ни старались. Ему пришлось жить

в обществе с иной системой координат, с другими ценностями, отличавшимися от тех, к которым он привык в первой половине жизни.

Макс Эйве отмечал, что «чувство национального достоинства Кереса было уязвлено, и он, безусловно, страдал от этого». К тому же, в отличие от советских коллег, ему, жившему до 1940 года в свободном мире, было еще труднее: ведь еще древние знали: совсем разное — вовсе не иметь и иметь и потерять.

Для советских гроссмейстеров он всегда оставался немного иностранцем. И дело было даже не в легком акценте. Весь его облик, манеры, знание языков, теннис, бридж, элегантно повязанный галстук, ухоженность, вежливость и невозмутимость отличали его от тех, кого они встречали в коридорах «Динамо», «Труда», «Локомотива», в Спорткомитете, наконец, просто в повседневной жизни.

Они многое перенимали от него. Если Ботвинник покупает форсунку для дачи, то она обязательно должна быть шведского производства, только шведского — так советовал Керес! Когда, играя с Кересом в заграничном турнире, Ботвинник отправляется с ним в жаркий летний день на прогулку и Пауль предлагает выпить чего-нибудь прохладительного, поначалу это вызывает шок: «Но это же стоит денег! За рубежом я становился скрягой — замечает Ботвинник. — “Но так приятно тратить деньги”, — возразил Пауль и... угостил меня! Это его «указание» было принято к неуклонному исполнению». Ботвинник учился у Кереса. Они все учились у Кереса.

После победы (вместе с Файном) в АВРО-турнире в 1938 году Керес рассматривался как один из кандидатов на звание чемпиона мира, и многое в его биографии связано с именем Ботвинника.

В своих мемуарах Ботвинник пишет о «друге Пауле» очень благожелательно, но признает, что «иногда наше соперничество принимало излишне резкие формы, как это было в 1948 и в 1952 годах. Увы, из песни слов не выкинешь! О наших неприятных стычках по молчаливому согласию мы в наших беседах никогда не вспоминали и впоследствии подружились».

В 1940 году Керес приехал в Москву, чтобы в первый раз сыграть в чемпионате Советского Союза. Встретили его торжественно, во время открытия турнира нового советского гражданина приветствовали продолжительными аплодисментами.

Внешний вид Кереса — темно-серый в полосочку костюм, цепочка на поясе, платочек в кармане пиджака, резко очерченный пробор,

манеры — все контрастировало с однообразием, царившим тогда в советской России. Примечательным был и стиль Кереса — острый, комбинационный. Пристрастие к королевскому гамбиту выглядело почти вызывающе, особенно на фоне сугубо позиционной манеры игры Ботвинника.

У публики появился новый любимец, и это, конечно, не могло не раздражать лидера советских шахмат, тем более что на повестке дня стоял вопрос: кто должен играть матч на звание чемпиона мира с Алехиным. Ботвинник даже обиделся, когда Сергей Прокофьев слишком громко аплодировал после стартовой победы Кереса, и добился запрещения аплодисментов в турнирном зале.

Мария Керес вспоминала, что, вернувшись из своей первой поездки в Советский Союз, Керес был поражен привилегиями Ботвинника. Тот был не только признанным первым номером, но и вел себя соответствующим образом. Последующие встречи Кереса с советским чемпионом только усилили первое впечатление.

«Турнирные условия являются подходящими для Мишеньки, но не для остальных соперников», — писал Керес домой с турнира на звание абсолютного чемпиона Советского Союза (1941). В кругу близких он до конца жизни называл Ботвинника «Мишенькой», произнося это имя с иронической улыбкой...

В декабре 1945 года Керес с женой были в Москве, и Ботвинник пригласил их на обед. «Я знала, что Пауль и Ботвинник недолюбливали друг друга, но внешне это ни в чем не проявилось, — вспоминала Мария Керес. — Обед был превосходный, все приличия соблюдались, но когда зашла речь об Алехине, Ботвинник тут же сказал, что он такому человеку руки бы не подал. Он имел в виду, конечно, Пауля, игравшего с Алехиным в военное время».

Через несколько месяцев Ботвинник начал подготовку к матчу на первенство мира с Алехиным. Документ с его просьбами, содержащий 49 пунктов, обнаружил в архивах эстонский писатель и большой любитель шахмат Юло Туулик.

В числе других пунктов письма Ботвинника значилось:

Прибытие за 4 недели до начала матча.

Машина с шофером.

Дополнительно к талонам на питание:

2 кг масла, 1,5 кг икры, 2 кг шоколада, 5 кг фруктов.

1 костюм летний, 2 костюма вечерних, 1 шляпа, 1 зимнее пальто, 1 летнее пальто, 2 пары туфель, 4 крахмальных рубашки, 4 сорочки.

Для Рагозина: 3 недели отдыха в «Соснах», 1 месяц в санатории.

Квартира, отпуск, обеспечение.

Для матери: Кремлевская больница, неврологическое обеспечение.

Для жены: отпуск в Большом театре с сохранением зарплаты.

Демисезонное пальто, 1 туалет вечерний, 4 туалета дневных, меховое манто, белье.

Одежда для ребенка.

И т.д. и т.п.

Но главным было требование закрытого тренировочного матча с Кересом. Эстонский гроссмейстер сам считался претендентом на мировое первенство, а в этом случае был бы вынужден отказаться от собственных притязаний на высший титул. Смерть Алехина перечеркнула все планы и избавила Кереса от унижительного матча.

«В московском поезде на Гаагу, где игралась первая половина матч-турнира 1948 года, Ботвинник подчеркнуто не вступал ни в какой контакт с другими участниками турнира и их секундантами, а с собственным — Рагозиным — обращался как со слугой. В приказном порядке он разговаривал и с женой, и с маленькой дочерью, стараясь вообще не выходить из купе, которое они занимали...» — вспоминала события более чем полувековой давности Мария Керес.

Несмотря на особое положение Ботвинника, официально в Гаагу отправились три равноправных представителя Советского Союза: Ботвинник, Смыслов и Керес.

В шахматы игрок не очень
бойкий,
Я желаю дорогим друзьям —
Пронеситесь грозной русской
тройкой
По голландским шахматным полям!

Мучимый метафорою слова,
Вижу я, как ринулись в бои
Три богатыря — не Васнецова,
Три богатыря — друзья мои.

И еще одно сравненье — третье

(Этим отличается поэт) —
 Я хочу вас на вокзале
 встретить,
 Как встречают мастеров побед!

Сегодня строки, написанные о «грозной русской тройке», — Ботвиннике, Кересе и Смыслове, читаются как пародия, на что был большой мастак их автор — Михаил Светлов. Допустил ли такую вольность поэт в 1948 году, да еще на страницах центральной газеты, или просто выполнял на скорую руку редакционный заказ?

После гаагской половины соревнования акценты очевидно сместились.

Все идет, как полагается,
 И пускай потерпит мир,
 Пока к нам перебирается
 Из Голландии турнир.
 Были партии не мирные,
 И греметь еще молве
 Про жестокие турнирные
 Схватки в городе Москве.
 А пока что аплодирует
 Мир герою одному,
 Что стремительно лидирует,
 Как положено ему.

Как положено ему. Именно так воспринималось в Советском Союзе лидерство Ботвинника в турнире. На дружеском шарже изображен уверенной поступью шествующий Ботвинник, несущий флаг, на котором выведена цифра набранных им очков: «6», за ним с флажками с цифрами «4» — Смыслов и Керес, и совсем в арьергарде ковыляют иностранцы: Решевский с «4,5» (!) очками и Эйве — с «1,5».

Диапазон слухов, связанных с матч-турниром 1948 года, был обширен. Одни уверяли, что Кереса заставляли нарочно проигрывать будущему чемпиону, другие поговаривали, что уже обеспечивший победу Ботвинник «отдал» последнюю партию Кересу умышленно, чтобы оттолкнуть Решевского. На самом деле Ботвинник в той партии уже в дебюте предложил ничью, которую Керес отклонил. Когда Ботвинник через несколько ходов повторил предложение, Керес ответил крайне грубо, заставив Ботвинника покраснеть. «Возможно, это было не совсем красиво с моей стороны», — признавал много лет спустя Керес, рассказывая эту историю Унцикеру. «Хотя эстонский

гроссмейстер достаточно хорошо понимал русский язык, его разговорный был тогда довольно слаб, поэтому он употреблял иногда вульгарные выражения, не совсем хорошо понимая их значение», — предположил Унцикер.

Перед этой последней партией Ботвинник записал в дневнике, который скрупулезно вел во время турнира: «Если преимущества к 20-му ходу не будет, предложить ничью. В случае отказа постараться вздуть! Вперед, на Кереса!»

Аналогичные записи он делал и перед другими партиями с эстонским гроссмейстером, неизменно дополняя их загадочной фразой: «Помнить, с кем играешь!»

Что хотел сказать этим Ботвинник? Шла ли речь здесь о военном прошлом соперника? О силе его игры? Или — наоборот — о слабости? Почему была важна победа именно над Кересом?

«В матч-турнире 1948 года все делалось под Ботвинника, ведь было известно, что он больше 15 партий подряд не выдерживает... Это же пародия на турнир была — с двухнедельным перерывом между Гаагой и Москвой, курам на смех. Я спросил тогда Кереса — “Пауль Петрович, как вы могли допустить такое?” — Так он на меня такой взгляд бросил, что я тут же осекся: “Беру, беру свой вопрос обратно...”» — вспоминал Давид Бронштейн.

У Бронштейна с Кересом были особые отношения. В матче на мировое первенство в 1951 году эстонский гроссмейстер был на стороне претендента, встречался с ним в Москве. Они сыграли множество турнирных партий, всю жизнь были в переписке, а находясь на сборах, постоянно играли блиц, иногда тематические матчи. Дебют? Королевский гамбит!

Что сближало их, таких разных по характеру, воспитанию, темпераменту? Любовь к шахматам? Преданность игре? Безусловно. Но и не только. Мне кажется, что помимо этого у обоих была одна рана и одна общая боль: чемпионский титул, так ими и не завоеванный. Произошло это в первую очередь из-за гиганта игры, каким был Михаил Моисеевич Ботвинник, но и — для Кереса в первую очередь — из-за времени, благоволившего к отлично вписанному в него Ботвиннику и из которого выпадал эстонский гроссмейстер. Это понимал и сам Патриарх, в конце жизни сказавший: «Паулю не повезло в его шахматной карьере. В другое время, вероятно, он стал бы чемпионом».

Во время чемпионата Советского Союза в Ленинграде в 1947 году

группа игроков подписала коллективное письмо, в котором Керес был заклеен как «коллаборант» и «фашист», и только ли ерничаньем была брошенная мастером Кламаном фраза после победы над эстонским гроссмейстером: «Ну как, ребята, я фашиста уколошил!»

Когда Ботвинник был еще жив, вновь возник вопрос, не приложил ли он руку к тому, чтобы Керес не принял участие в крупнейшем послевоенном турнире в Гронингене в 1946 году. Когда самого Ботвинника спрашивали об этом, тот настаивал, что он «выше этой чепухи», что, может быть, он и подписал коллективное письмо гроссмейстеров, но никогда не выступал против эстонского гроссмейстера и никогда не интриговал против его.

«С пятнадцатилетнего возраста все мои стремления сосредоточились на одной определенной цели».

«Мой успех является результатом обдуманной, добросовестной, тщательной подготовки всей моей жизни».

«Каждая деталь, каждая мелочь составила предмет многократных обсуждений...»

И как следствие: «Победа ожидает того, у кого все в порядке, — и это называют удачей».

Записи взяты из дневников знаменитого норвежского путешественника Руаля Амундсена, но под каждым словом мог бы подписаться и Михаил Ботвинник.

«В жизни мне повезло. Как правило, мои личные интересы совпадали с интересами общественными — в этом, вероятно, и заключается подлинное счастье. И я не был одинок — в борьбе за общественные интересы у меня была поддержка. Но не всем, с кем я общался, так же повезло, как и мне. У некоторых личные интересы расходились с общественными, и эти люди мешали мне работать. Тогда и возникали конфликты». Это — Ботвинник. И дело было не в эстонском гроссмейстере: резкие, напряженные отношения возникали у Ботвинника с каждым, кто становился на его пути к чемпионскому титулу. Уже сам этот факт превращал соперника в недруга, и Пауль Керес не был исключением.

Последнюю партию с Ботвинником Керес сыграл на турнире в Вейк-ан-Зее в 1969 году. Зима тогда выдалась особенно ветреная, и оба гроссмейстера играли простуженными почти весь турнир.

Вспоминает Михаил Ботвинник: «Лежу в постели, анализирую на карманных шахматах отложенную позицию с Портишем — трудный эндшпиль... Неожиданно стук и входит Пауль: «Ну что, спасаетесь?»

Объясняю, что нашел после долгих поисков одну уникальную ничейную позицию, но как ее получить — не могу придумать. Взял Керес у меня карманные шахматы, подумал и, возвращая шахматы, сказал: «А что, если сыграть так-то?» Посмотрели мы друг на друга и нами овладел неудержимый хохот — Пауль нашел простой способ получения искомой позиции. При доигрывании Портиш был потрясен — ничья!»

Эта партия игралась в одном из последних туров и результат ее был чрезвычайно важен для окончательного распределения мест. В случае победы Портиша венгерский гроссмейстер, а не Ботвинник, занимал бы первую строчку в таблице, вернее, делил бы ее с Геллером и Кересом (!).

История имела продолжение. Через месяц после окончания турнира Мария Керес неожиданно получила из Москвы маленькую посылку с флаконом французских духов. К посылке было приложена записка Ботвинника, где говорилось о концовке какой-то партии. «Я ничего не поняла, но Пауль очень смеялся...» — вспоминала Мария Августовна.

В последние годы, бывая в Москве, Керес звонил Ботвиннику, приезжал к нему домой: причины противостояния улетучились, и Кересу открылся другой Ботвинник — внимательный, благожелательный. В конце шестидесятых, посетив того на даче, Керес заметил: «А Ботвинник вообще-то не такой плохой человек, милый, приветливый...»

«Он все забыл, Пауль все забыл...» — вздыхала Мария Августовна Керес, когда я расспрашивал ее об отношениях выдающихся шахматистов.

В последний раз «вечно второй» Керес был на расстоянии вытянутой руки от матча на первенство мира на турнире претендентов в Кюрасао в 1962 году. В очень длинном соревновании гроссмейстеры играли друг с другом мини-матчи, всего двадцать восемь партий. Половина участников представляла Советский Союз, и Тигран Петросян в конце концов опередил Кереса на пол-очка.

Роберт Фишер после окончания турнира дал большое интервью журналу «Спортс Иллюстрейтед», в котором обвинил советских гроссмейстеров в сговоре. По его мнению, Геллер, Петросян и Керес не боролись между собой, быстро закончив все партии вничью.

В мемуарах другого американского участника турнира на Кюрасао Пала Бенко можно прочесть: «Я не могу точно знать об обвине-

ниях Фишера по адресу советских гроссмейстеров, но на турнире были мини-группы, работавшие вместе. Например, Геллер и Петросян, очень близкие друзья, делали все, чтобы Керес не выиграл это соревнование. Блистательный Пауль Керес пережил немало трагических минут. Он еще участвовал в борьбе за победу в турнире, когда мы начали партию из третьего круга. У Кереса были белые, я избрал сицилианскую, получил лучшие шансы, но в сильнейшем цейтноте некорректно пожертвовал фигуру, и партия должна была закончиться вничью вечным шахом. Имея несколько секунд на часах, я сделал ход, форсирующий вечный шах, но неаккуратно поставил фигуру на поле... Керес перевел часы, сказав: "Поправьте фигуры". Я был ошарашен, мои часы отсчитывали последние секунды. Когда я пытался восстановить порядок на доске, флажок упал, и мне было засчитано поражение. Я не обжаловал судейское решение, но был очень зол и подумал: "Я прибью его в самый чувствительный момент".

Не вызывает сомнения, что наша партия из последнего круга была самой важной во всей карьере Кереса, так как при ничьей он делил первое место с Петросяном, а выигрыш выводил его на чистое первое место. Партия была отложена в несколько лучшей для меня позиции, ко мне в комнату тайно прокрались Петросян и Геллер и предложили помощь в анализе. Они хотели, чтобы я выиграл партию у их земляка! Это было отвратительно. Я сказал, что при правильной игре с обеих сторон партия должна закончиться вничью и попросил обоих покинуть комнату. Когда мы продолжили игру, Керес ошибся и проиграл. Этот результат сломал бедного Кереса, но его мучения на этом не кончились! Свою партию из последнего тура я играл с Геллером. Еще во время игры организаторы отпечатали результаты турнира в бюллетене: Петросян – первый, Керес – второй, Геллер – третий. Действительно, в партии с Геллером у меня были две лишние пешки в ферзевом эндшпиле и легкий выигрыш. Мне оставалось сделать один ход до контроля и я обдумывал, какой ход сделать, чтобы избежать вечного шаха. Когда я делал ход, мой флажок упал, и Геллеру была засчитана победа! Керес должен был играть матч с Геллером за второе место (который выиграл). Керес писал потом, что я специально проиграл Геллеру, чтобы наказать его. Разумеется, я никогда не делаю подобных вещей, но Керес до конца придерживался противоположного мнения и сошел в гроб, пребывая в этом ошибочном убеждении. Можно представить его чувства: проигрыш партии мне повлиял на течение всей шахматной

истории. Петросян выиграл матч у Ботвинника и стал новым чемпионом мира. А бедный Керес так никогда и не сыграл матча на мировое первенство...»

Такова версия Пала Бенко о событиях претендентского турнира 1962 года. Соответствует ли она действительности? Или прав Керес, утверждая, что Бенко просрочил время с Геллером, чтобы еще больше наказать его, тем более что на турнирное положение Бенко это не влияло?

Пользовавшийся безоговорочным уважением всего шахматного мира, эстонский гроссмейстер мог бы стать идеальным президентом ФИДЕ. Но он был гражданином СССР, и ни одно решение на этом посту не смог бы принять без «консультаций» со Спорткомитетом, а фактически — с более высокими инстанциями. Керес прекрасно понимал это сам, и когда Милунка Лазаревич во время Олимпиады в Ницце в 1974 году прямо спросила его об этом, Пауль Петрович только засмеялся: «Самостоятельно я могу только книги писать». Понятно, что эстонский гроссмейстер имел в виду шахматные книги...

Керес прекрасно понимал все трудности профессии шахматиста и всегда защищал интересы выбравших шахматы в качестве основного занятия. Лояльность, коллегиальность были присуще далеко не всем чемпионам мира. Чемпион мира? Но ведь Керес никогда так и не стал им. Мог ли?

Как сложилась бы его карьера, если бы катер в сентябре 1944 года пришел из Швеции вовремя, и он оказался бы в свободном мире? Гипотетический вопрос, конечно. Корчной полагает, что Керес завоевал бы высший титул, а ему самому это не удалось потому, что он запоздал с решением собственной судьбы на добрый десяток лет: в 1976 году, когда Корчной остался за Западе, ему было уже сорок пять, а Кересу в 44-м не было и тридцати. Вдова Кереса не разделяет точку зрения Корчного: «Думаю, что все равно не стал бы», — обосновывая свое мнение тем, что Керес не был так беспощаден к себе, да и к другим, как Ботвинник.

Вероятно, она права: характер выдающегося гроссмейстера был недостаточно жестким (или плохим — как посмотреть), чтобы стать не одним из лучших, а самым лучшим. Единственным.

Можно ли представить себе Ботвинника, опаздывающего на тур, приходящего на игру с теннисной ракеткой подмышкой или играющим, не обращая внимания, что идут его часы, роббер бриджа, как

это случилось с Кересом в молодые годы? Или небрежно проанализировавшим отложенную партию, потому что ему захотелось провести вечер с друзьями, приехавшими из Таллина? А ведь это произошло с Кересом, когда на АВРО-турнире в Амстердаме в важнейшей партии с Алехиным вместо элементарного выигрыша он получил только полочка.

Целеустремленность предполагает сознательный волевой отказ от прочих радостей во имя избранной цели, а Пауль Керес не хотел отказываться от своего тенниса, бриджа, от общения с друзьями, от многого того, к чему привык и что ткалось на холсте каждого прожитого дня.

«Свой крест нужно нести терпеливо», — писал Керес домой после одного из первых, еще довоенных выступлений в Советском Союзе.

«Я должен был играть в шахматы и ждать. Это был перст судьбы», — признавался он, будучи уже пожилым человеком.

Почти библейские слова, заслуживающие уважения как жизненная концепция, но несовместимые с жестокой борьбой за звание сильнейшего шахматиста планеты.

Керес из семьи долгожителей: его отец и мать достигли преклонного возраста, а старший брат Харальд — известный математик, академик, приближается к столетнему рубежу. Пауль Керес умер, не достигнув шестидесятилетия. Что и говорить: тяжелая нервная работа профессионального шахматиста не способствует долголетию. Даже при здоровом образе жизни и регулярной игре в теннис, большим любителем которого был Керес.

Сам он не любил распространяться на эту тему, но уже на турнире в Цюрихе в 1961 году принимал лекарства из-за повышенного кровяного давления, а в последние годы врачи настойчиво требовали оставить выступления в турнирах. Неладья с кровообращением приняла хронический характер, и он появлялся на сцене как всегда безупречно одетый, в вечернем костюме, при галстукке и... в тапочках: болели ноги, давала о себе знать подагра. Понятно, что сеансы одновременной игры, которые он давал до конца жизни, тоже были ему противопоказаны — тем более два сеанса в день, как это было в Ванкувере буквально за неделю до смерти. Легко советовать: когда в следующий раз представилась бы возможность заработать немного валюты? Ведь в последнее время он получал «разрешение» на один зарубежный турнир в год.

Из Ванкувера в Таллин Керес добирался по сложному маршруту — через Монреаль, Амстердам, Хельсинки. У него было хобби: стыковка самолетов различных международных компаний: номера рейсов, наиболее экономичные маршруты — он знал все на память. В узком кругу позволял шутку: «Все трудности отпадают, как только расстаетесь с Аэрофлотом».

Принято считать, что такое хобби соответствовало характеру и манере мышления Кереса — склонности к анализу, аккуратности, стремлению найти оптимальное решение. Может быть. Мне кажется, что есть и другое объяснение: составляя зарубежные маршруты, он возвращался в то время, когда, не давая отчета никому, мог сам решать, каким образом отправиться в Стокгольм, Мюнхен, Амстердам или Хельсинки.

Возвращаясь из Канады, Пауль позвонил из амстердамского аэропорта старому другу Максу, тот приехал в Схипхол, и они проговорили с Эйвенесколько часов. Ханс Баймейстер, присутствовавший при их последней встрече, вспоминает, что Керес несколько раз повторил: «Да, влетит мне теперь от Батурина — я ведь на несколько дней задержался в Канаде без разрешения...»

Керес умер от сердечного приступа в Хельсинки на следующий день, пятого июня 1975 года. Ему было пятьдесят девять лет. Иво Ней первым в Эстонии узнал об этом. Он тут же позвонил на телефонную станцию, чтобы заблокировали домашний телефон Кереса, вызвал врача-кардиолога и, набравшись духа, отправился улицу Ыйе, как называлась тогда улица Кереса...

Через два дня пароход с его гробом прибыл в Таллин. Толпы людей на набережной, мужской хор, оркестр. И цветы, цветы. Гроб несли лучшие спортсмены Эстонии. Среди встречавших можно было заметить и Виктора Ивонина, заместителя председателя Спорткомитета СССР, курировавшего шахматы.

Машина тронулась к дому Кереса, где в очень узком кругу было совершено отпевание. Присутствовали только самые близкие да приехавшие в Таллин коллеги эстонского гроссмейстера: Эйве, Смыслов, Спасский, Авербах.

В последний путь Кереса провожал весь Таллин. На кладбище говорил Смыслов. Звучала и речь Эйве, произнесенная по-немецки и записанная на пленку: экс-чемпион мира, не дожидаясь похорон, должен был срочно вернуться в Амстердам.

«Вы проследите уж, если я что-то не так сказал...», — попросил он Иво Нея. Слова Эйве, что Паулю Кересу пришлось не раз видеть свою

родину под пятой захватчиков, разумеется, не прозвучали на Лесном кладбище.

Вернувшись в Москву, Виктор Ивонин вызвал к себе главного редактора «64» Нейштадта.

«Какой материл вы собираетесь давать о Кересе?» «Развернутый некролог, лучшие партии», – отвечал Нейштадт.

«Это хорошо, но учтите, что смерть Кереса – это в первую очередь потеря для Эстонии, а не для всего Советского Союза. Это потеря эстонских шахмат...»

Так думали о Кересе в Москве в течение всей его карьеры, таким осталось отношение к нему и после смерти: он был и свой, и чужой в огромной, несуществующей теперь стране, и власти никогда об этом не забывали. Не забывал и он.

Попав в многоцветный мозаичный мир советских шахмат, Керес принял решение просто жить, не посыпая голову пеплом, не философствуя и не причитая. Жить и играть.

Спикер эстонского парламента Эне Эргма сказала: «Пауль Керес не поддался одному из главных желаний всех тоталитарных систем – нивелировать общество, заставить всех людей одинаково говорить и одинаково одеваться, одинаково страдать и одинаково лгать. Элегантный Керес сталинского серого периода постоянно напоминал нам здесь, в Эстонии, *что* мы утратили и *что* мы когда-нибудь обязательно себе вернем».

Сегодня Пауль Керес принадлежит шахматам, их истории. И Эстонии, не забывшей его.